

УДК 811.161.1'42'373.611'367.625:821.161.1-94

Энклитика **сѧ** в структуре возвратных глаголов Лаврентьевской летописи

Г.В. СЕРИКОВ

В статье анализируются особенности функционирования в тексте Лаврентьевской летописи (XIV в.) возвратных глагольных форм, раскрываются закономерности их построения. Автор использует понятия контактной и дистактной препозиции и постпозиции энклитики **сѧ**, указывает на её относительно свободное и связанное место в синтаксисе простого предложения. Обращается внимание на особенности перевода древнерусских возвратных конструкций на современный русский язык, раскрываются причины, обуславливающие постановку возвратного местоимения-морфемы в контактной препозиции относительно глагола, раскрывается организующая роль ритмического отрезка фразы; проводятся необходимые для исследования параллели с аналогичными явлениями в современном польском языке.

Ключевые слова: энклитика, возвратные глаголы, возвратное местоимение, контактная препозиция, дистактная препозиция, контактная постпозиция, дистактная постпозиция, делимитер, ритмический отрезок, дыхательная пауза, аппликат, сегментация, вербоиды.

The article analyzes the peculiarities of reflexive verb forms functioning in the text of the Laurentian Chronicle (XIV cent.), reveals the laws of their construction. The author uses the concepts of contact and distact preposition and postposition of the enclitic **сѧ**, indicates its relatively free and bound place in the syntax of a simple sentence. The attention is drawn to the peculiarities of the translation of Old Russian reflexive constructions into modern Russian, the reasons for setting the reflexive morpheme pronoun in the contact preposition relative to the verb are revealed, the organizational role of the rhythmic segment of the phrase is revealed; the parallels with similar phenomena in modern Polish are being carried out.

Keywords: enclitics, reflexive verbs, reflexive pronoun, contact preposition, distact preposition, contact postposition, distact postposition, delimiter, rhythmic segment, respiratory pause, applicate, segmentation, verboids.

Изумительны тайны твои, о седая, молчаливая древность!

Е.П. Блаватская

Являясь неисчерпаемым источником исторических, филологических и общекультурных исследований, разнородный (по причине множества авторов и переписчиков) языковой материал Летописи (1377 г.) в контексте нашей темы представляет собой свидетельство исторического развития категории возвратности глагола, которая, ещё не будучи строго кодифицированной в тогдашнем правописании, весьма разнообразно отражалась на письме. В тексте этого времени (XIV в.), факсимильное издание которого доступно современному читателю [1], в преобладающем количестве случаев наблюдается слитное написание энклитики **сѧ** с соответствующими глаголами разных значений. Текст «Повести временных лет» (ПВЛ) изначально представлял собой рукописную копию документов несколько более раннего периода, в которую переписчики вносили свои изменения, касающиеся также характера письма и передачи возвратных глаголов. Избранный хронологический срез являет нашему вниманию достаточно разнообразную палитру возвратных конструкций, поскольку, как свидетельствовал профессор МГУ П.Я. Черных (1896–1970), лишь «к середине XVII в. энклитические местоимения в старомосковской речи вышли из обращения. Только одна из этих форм (*ся*) пережиточно сохранилась в качестве залоговой частицы, которая долгое время могла употребляться свободно, т. е. отдельно от глагола, и лишь постепенно была окончательно закреплена в положении за глаголом» [2, с. 206]. Для понимания появления неизбежных временных графических наслоений в тексте исследуемой Летописи обратимся к рисунку 1, представленному в труде А.А. Шахматова (1864–1920) [3, с. 357].

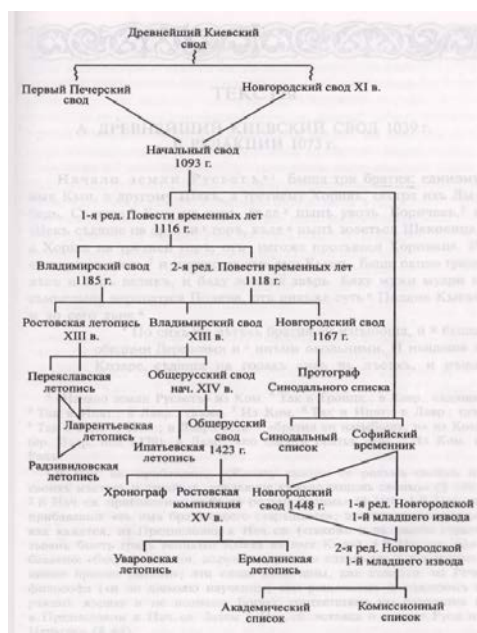

Рисунок 1 – Своды ПВЛ по А.А. Шахматову

Всего в трёх частях упомянутого издания Летописи («Повести временных лет по Лаврентьевскому списку», «Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку» и «Продолжении Суздальской летописи по академическому списку» (на рисунке 1 выделена нами ромбом)) выявлено 2470 случаев употребления возвратных глаголов. Такой их внушительный удельный вес в исследуемом тексте объясняется отнюдь не разнообразием слов, а их повторяемостью. Это глаголы наименования, движения, стихийных процессов, различных родов деятельности человека (мыслительной и трудовой). Примерами слитного постпозиционного написания **сѧ** изобилует весь текст от начала до конца, это 2101 случай из общего числа, т. е. 85,06 %. Так, например, в самом начале летописи, при перечислении летописцем названий земель, заселённых различными племенами, читаем: **...таже и Полопонисъ наречесѧ** [1, с. 3] – ‘и которая Полопонис назвалась’; **...и сѧсѣдаться сѧ племенемъ Хамовымъ** [1, с. 4] – ‘и соседствуют с племенем Хамовым’; **...и собрашасѧ на мѣстѣ** [1, с. 5] – ‘и собрались на месте’; **...разидошасѧ по землѣ и прозвашасѧ имены свѣими** [1, с. 6] – ‘разошлись по земле и прозвались именами своими’; **...ѿ сѧа прозвашасѧ Полочане** [1, с. 6] – ‘от этой прозвались полочане’; **...такъ разидесѧ Словѣньскій языкъ** [1, с. 6] – ‘так разошёлся славянский язык’; **...[и] соволокутъсѧ и вѣдутьъ назн. и шельются квасомъ** – ‘и разденутся, и будут наги, и обольются квасом’; **помроша вси. и не остасѧ ни единъ**. [1, с. 12] – ‘умерли все, и ни одного не осталось’; **се же сбысѧ все** [1, с. 17] – ‘это же всё сбылось’ и мн. др.

Данные примеры свидетельствуют о том, что энклитика **сѧ** устойчиво заняла к XIV в. преобладающее постпозиционное употребление в устной речи восточных славян, что регулярно отражалось в соответствующих написаниях. Как отмечал академик Л.А. Булаховский (1888–1961), «восточнославянские языки одни среди всех славянских имеют синтетические формы возвратного и родственных ему залогов: *одеваться, ложиться, торопиться, биться, лениться*. Такого рода прочные сращения глаголов с возвратным (по происхождению) местоимением **сѧ**, русск. *ся* – продукты исторического развития восточнославянских языков» [4, с. 163]. Приведённые выше цифры – яркое тому подтверждение. Следует отметить, что к слитному написанию энклитики нами были отнесены и случаи написаний в виде полного или частичного надстрочного индекса, как в следующем примере: **а братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту скончашасѧ** [1, с. 10] – ‘а брат его Щек и Хорив, и сестра их Лыбедь тут умерли’; **и въпраша ихъ кде Хѣ ражае^{тсѧ}** [1, с. 102] – ‘и спрашивали их, где Христос рождается’; **ѿступили^{сѧ} князи Черниговьстни**. [1, с. 316] – ‘отступились князья черниговские’; **начнете^{сѧ} боѧти насъ**. [1, с. 358] – ‘начнёте бояться нас’; **ѿ негоже и Туровци прозва^{ша} сѧ**. [1, с. 76] – ‘от него и туровцы назвались’.

Относительно обилия в древних памятниках письменности возвратных глаголов с приращённой к ним возвратной морфемой **-ся** профессор П.С. Кузнецов (1899–1968) утверждал следующее: «Хотя **сѧ** и **си** в древнерусском языке и были отдельными, хотя и несамостоятельными словами и сочетание с ними глагольной формы <...> носило характер даже не аналитической формы, а синтаксического сочетания, тем не менее определённые предпосылки для слияния местоимения с глаголом в дальнейшем имелись, поскольку некоторые глаголы уже в древнейших памятниках не могли функционировать без возвратного местоимения» [5, с. 272].

Довольно регулярно в виде частичного надстрочного индекса выносятся один малый юс (**ѧ**) данной энклитики: **да не разрушитсѧ дондеже сѧнце съяеть** [1, с. 53] – ‘да не разрушится, пока солнце сияет’; **оутвердисѧ сѧрце его** [1, с. 68] – ‘утвердилось сердце его’; **но стоѧ поклонитсѧ** [1, с. 114] – ‘но стоя поклонится’; **золъ бо чѧвкъ тѧщасѧ на злое** [1, с. 135] – ‘плох человек, подвигающийся на злое’; **престависѧ митрополитъ Киевскыи** [1, с. 349] – ‘преставился митрополит киевский’.

О том, что в это время (XIV в.) энклитика **сѧ** воспринималась как морфема, органично присущая переходному глаголу, отчасти не столь важная и необходимая лишь для правильного прочтения слова, свидетельствуют её написания под титлом (ради экономии места), причём иногда в одном предложении соседствовало слитное написание **сѧ** с глаголом и написание под титлом: **крѧтитсѧ просиша и покоритѧ Грекомъ** [1, с. 19] – ‘креститься просили и покориться грекам’; ...**а друзии Чеси нарекошѧ** [1, с. 6] – ‘а другие чехами нареклись’; **такѧ* гавитѧ согрешенье ѡ сѧм** [1, с. 34] – ‘как же явится согрешенье об этом’; **и оубогашѧ Греци** [1, с. 30] – ‘и испугались греки’; **аще злодѧи възратитѧ в Роу** [1, с. 37] – ‘если злодей возвратится в Русь’ и др. Таких вариантов написаний из всего текста Лаврентьевской летописи нами выявлено 119.

Несмотря на кристаллизацию синтетической формы возвратного глагола к XIV в., раздельное написание энклитики в это время всё же имеет место, причём зачастую форма **сѧ** приобретает лексическую и грамматическую самостоятельность. Из общего количества выявленных возвратных форм (2470) обнаружено 250 случаев раздельного написания **сѧ**, т. е. 10,12 %. Среди этих раздельных написаний отмечаются следующие модели:

1. Контактная препозиция «сѧ + V», которая свидетельствует о сильной смысловой привязке **сѧ** к переходным глаголам различных значений: ...**и видѧ тѧ люди сѧщаѧ како есть ѡбычаи имѧ и како сѧ мыють [и] хвощутсѧ и оудивисѧ имѧ** [1, с. 8] – ‘и видел здесь людей, и их обычаи: как моются и хвощутся, и удивился им’; ...**не мѧчимы никимъ же. но сами сѧ мѧчатѧ** [1, с. 9] – ‘никем не мучимы, но сами себя мучают’; ...**[и] сѧтъ гради их. и до сего днѧ. да то сѧ звахѧ ѡ Грекѧ** [1, с. 13] – ‘и есть города их и до сего дня, да назывались от греков’; ...**мы сѧ доискахомѧ оружье** [1, с. 17] – ‘мы добились оружием’; **скажемъ што сѧ оудѧло в лѧта си** [1, с. 18] – ‘скажем, что случилось в эти годы’; **сице бо сѧ звахѧ и варази сѧтъ** [1, с. 19] – ‘ибо так звать их, суть варяги’; **еже сѧ ныне зоветѧ Оугорское** [1, с. 23] – ‘который ныне называется Угорское’; **и сѧдоша сѧ словѧны. покоривше ѧ подъ сѧ** [1, с. 25] – ‘и сели со словенами, покоривши их себе’; **да сѧ исполнить книжное слово** [1, с. 27] – ‘да исполнится книжное слово’; **да бѧдетѧ ѡмѧченъ ѡ цѧрке. донде сѧ испрѧватѧ** [1, с. 27] – ‘да будет отлучён от церкви до тех пор, пока исправится’; **аще сѧ въвадитѧ волкъ в овцѧ. то выносить все стадо** [1, с. 55] – ‘если притворится волк овцой, то вынесет всё стадо’; **Древляне. начаша сѧ мыти** [1, с. 57] – ‘древляне начали мыться’ и мн. др. аналогичные случаи.

На странице 135 Летописи буквально в четырёх соседних строках уживаются синтетические и аналитические формы возвратных глаголов, что даёт основание думать о естественном параллельном употреблении в ту пору таких форм с преобладанием, однако, слитных написаний: **бѧси бо Бѧ боѧтсѧ. а золъ чѧвкъ ни Бѧ боѧтсѧ. ни чѧвкъ сѧ стыдитѧ. бѧси бо кѧта сѧ боѧтъ Гѧѧ. а чѧвкъ золъ ни кѧта сѧ боѧтъ** [1, с. 135] – ‘ибо бесы Бога боятся, а злой человек ни Бога не боится, ни людей не стыдится, а бесы креста боятся Господня, а злой человек и креста не боится’. Также в одном стилистически однородном фрагменте текста, на небольшом отдалении – в 13 страниц друг от друга – встречаются структурно разные написания личных форм настоящего времени глагола **каяться**: первый из них представлен моделью «**сѧ + V**», а второй – слитным постпозиционным написанием, т. е. синтетической формой: **дела. ли того сѧ каю** [1, с. 254] – ‘для того ли каюсь’; **почто зло створивъ и не какшисѧ его** [1, с. 267] – ‘зачем зло сотворил и не каешься в нём’.

Данная позиция **сѧ** в модели «**сѧ** + **V**» по отношению к «своему» глаголу Л.А. Булаховским объяснялась так: «По-видимому, первоначально место употребления **сѧ** зависело от старого принципа славянских языков, согласно которому частицы употреблялись чаще всего после первого полнозначного слова ритмического отрезка. Такие примеры имеем в древнейших памятниках восточнославянских языков, вроде: **Донелѣже ся миръ състоить**; **Кто ся изоостанеть въ манастири** (Мстисл. грам., 1130 г.)» [4, с. 164]. Ритмическим отрезком по сути является любая часть сложносочинённого или сложноподчинённого предложения, группа обособленных членов предложения, т. е. отрезки высказывания между дыхательными паузами. Относительно таких случаев Л.А. Булаховский также утверждал: «Сколько в подобном употреблении живого и сколько традиционного, нельзя сказать определённо. Скорее, однако, это живые факты. Сомнение в значении подобных примеров возникает только применительно к памятникам более поздним, когда искусственность **ся** на втором месте отрезка выступает на фоне глагола с **ся**, примкнувшим к нему» [4, с. 164]. А в Летописи как раз отмечаются подобные эпизоды: **мало сѧ насытилѧ крове моеѧ а се хочеть боле насытитисѧ** [1, с. 266] – ‘мало напился крови моей, но вот хочет больше напиться’.

2. Дистактная препозиция «сѧ + n^1 + **V».** Данный тип возвратной модели, где энклитику и соответствующий глагол разделяет один делимитер (*от лат. delimiter* ‘разделитель’) встречается в летописи ещё реже: **егда сѧ начаху каяти**. [1, с. 97] – ‘когда начали каяться’; **мѣми^ѧ бѹдѹтъ в огни иже сѧ не крѣтитъ**. [1, с. 106] – ‘да будут мучимы в огне, если не крестятся’; **аще сѧ не вдасте имамъ стоимъ** [1, с. 109] – ‘если не сдадитесь, я буду стоять’; **проклаша иже сѧ не поклонѧ^ѧ иконамъ**. [1, с. 114] – ‘проклинали, если не поклонятся иконам’; **хотѧт сѧ людье передати Печенѣгомъ**. [1, с. 127] – ‘хотят люди сдаться печенегам’; **иже сѧ бѣ родилъ ѿ прелюбодѣяныѧ**. [1, с. 146] – ‘который родился от прелюбодеяния’ и нек. др. случаи.

Характерно, что в качестве делимитеров в данной модели чаще всего выступают односложные слова: отрицательная частица *не*, союз *и*, местоимения *что*, *нас*, *мне*, *сам*, форма имперфективного аориста глагола *быть* (**бѣ**) в составе плюсквамперфекта, реже – полнозначные многосложные лексемы (**начаху**, **людье**). Устойчивость данной модели поддерживалась, видимо, ритмом фразы, в которую наиболее органично вписывались именно односложные делимитеры, как это происходит до сих пор в современном польском языке. Сравним ритм отрезков, описывающихся данной моделью, в польском и древнерусском языках:

« się + n^1 + V »	« сѧ + n^1 + V »
<i>mokry deszczu się nie boi</i> <i>jakoś się to rozeszło po kościach</i> <i>co tu się żywnie podoba</i> <i>aż tu się uszy trzęsły</i>	но мы сѧ не боямъ . проклаша иже сѧ не поклонѧ^ѧ тобе сѧ что створить хто сѧ насъ всталъ живы^ѧ .

3. Дистактная препозиция типа «сѧ + n^1 + n^2 + **V».** Ещё реже по сравнению с предыдущей моделью встречается в Летописи препозиция с двумя делимитерами: **можеши сѧ с ни[мъ] бороти**. [1, с. 123] – ‘сможешь с ним бороться’; **хочемъ сѧ и еще бити съ Болеславомъ** [1, с. 143] – ‘будем и ещё биться с Болеславом’; **и не вѣдѹче что сѧ надъ Кытаномъ створи**. [1, с. 227] – ‘и не зная, что над Китаном сделалось’; **смерти бо сѧ дти не боячи**. [1, с. 252] – ‘ибо смерти дети не боялись’; **и рѣша се сѧ оуже тако створило князь нашъ оубьенъ**. [1, с. 371] – ‘и сказали: «Вот уже так случилось, князь наш убит»’; **а что сѧ на дьска^ѧ встало в писмѣ а то все князю** [1, с. 490] – ‘а что на столах осталось в письме, то всё князю’.

4. Дистактная препозиция типа «сѧ + n^1 + n^2 + n^3 + **V».** Редкими эпизодами представлена данная модель в Летописи (в отличие от аналогичных случаев в современном польском языке), что объясняется устойчивым закреплением **сѧ** к тому времени в контактной постпозиции, особенно в устной речи: **река любо си сѧ на^ѧ ѿцю гнѣвати**. [1, с. 319] – ‘говоря: «если даже на меня отец разгневется»’; **уже сѧ с ними начне^ѧ бити то се на^ѧ бѹдѹтъ первии ворози**. [1, с. 359] – ‘если с ними начнём биться, то будут нам первыми врагами’; **такъ тобою сѧ намъ многа зла створи**. [1, с. 499] – ‘потому что из-за тебя нам много зла сделалось’.

5. Дистактная препозиция типа «**сѧ** + n^1 + n^2 + n^3 + n^4 + V». В тексте Летописи нами обнаружена единственная модель дистактной препозиции с четырьмя делимитерами: **дѣти мѧ сѧ бѣдѣ добро ѿ силы мирити**. [1, с. 321] – ‘что мне будет хорошо от силы мириться’. Сохранение довольно редкой модели в памятнике письменности XIV в. можно объяснить той же причиной, что и в п. 4.

6. Дистактная постпозиция типа «V + n^1 + **сѧ**». Данная модель встречается в летописи нечасто, и в качестве делимитера (n^1) здесь выступают одно- или двусложные союзы или частицы. Сразу отметим употребление такой модели в составе распространённой в древности лаконичной синтаксической конструкции «дательного самостоятельного» со значением времени. О распространённости в древнерусскую эпоху синтаксической конструкции «дательного самостоятельного» с различными значениями сообщалось нами в одной из предыдущих публикаций [6, с. 76].

Итак, делимитерами в структуре данной модели выступают:

а) противительный союз *же*:

– **крѣти жѣ сѧ в цѣркви ѿтого Василя** [1, с. 111] – ‘крестили же в церкви святого Василия’; **крѣтившим же сѧ людемъ** [1, с. 118] – ‘крестившимся же людям’; **смиривъ же сѧ с Половци и подаривъ и** [1, с. 358] – ‘смирившись же с половцами и подарив его’; **и помолѣ же сѧ бѣголюбивый еписѣпъ Митрофанъ** [1, с. 518] – ‘и помолился же боголюбивый епископ Митрофан’;

б) причинный союз *бо* ‘ибо, потому что’:

– **раздѣлаетъ бо сѧ нераздѣлно** [1, с. 111] – ‘ибо разделятся нераздельно’; **ѿторваху бо сѧ на землю** [1, с. 165] – ‘оторвалось ибо на землю’; **постивъ бо сѧ Моисѣ дѣни .ѿ.** [1, с. 185] – ‘ибо постился Моисей 40 дней’; **впадѣ в болѣзнь разболѣвшю бо сѧ кѣмъ** [1, с. 186] – ‘впал в болезнь, охватившую его’; **облече бо сѧ во власяницу** [1, с. 192] – ‘ибо облёк себя во власяницу’;

в) условный союз *ли* ‘если’:

– **взвернутъ ли сѧ на нѧ измѣтѣтъ ны** [1, с. 498] – ‘если повернутся на нас – разметут нас’;

г) энклитические формы личных местоимений *ти* ‘тебе’ и *ми* ‘мне’:

– **моли ти сѧ раби твои** [1, с. 256] – ‘молимся тебе, твои рабы’; **не покорить ми сѧ** [1, с. 347] – ‘не покориться мне’; **исповѣдаю ти сѧ ѿче** [1, с. 378] – ‘исповедаюсь Тебе, Отче’; **и рече преданте ми сѧ** [1, с. 490] – ‘и сказал: «Сдайтесь мне»’.

Как свидетельствует фактический материал пункта «б)», порядок слов в предложении тех времён предписывал следование причинного союза *бо* ‘ибо, потому что’ непосредственно после знаменательных частей речи, не обязательно только глаголов, но и существительных: **Бѣ бо казнить члѣка члѣкомъ** [1, с. 481] – ‘ибо Бог казнит человека человеком’. Следовательно, союз **бо** был устойчивым и довольно регулярным делимитером в составе глагольной возвратной модели. В случае же отсутствия данного союза при возвратном глаголе энклитика **сѧ** превращалась в привычный нам постфикс, агглютинируясь с глаголом. Яркий пример таких вариаций представлен глаголом *поститься* на одной и той же странице: **постивъ бо сѧ Моисѣ дѣни .ѿ.** [1, с. 185] – ‘ибо постился Моисей 40 дней’ и 6-ю строками ниже: **постивъсѧ и Гь .ѿ. дѣни** [1, с. 185] – ‘постился и Господь 40 дней’.

Древние документы письменности, как, например, ПВЛ, сохранили для нас тогдашнюю оптимальную упорядоченность (*порядок, шик*) слов, которая была органично свойственна, натуральна и мелодична для наших пращуров. Древнерусская, забытая теперь модель «V + n^1 + **сѧ**» соответствует современной польской модели «V + n^1 + *się*», занимающей в текстах различных стилей и жанров до 2,5 % употреблений. Примечательно, что в большинстве случаев в качестве делимитера n^1 в польских конструкциях выступают односложные лексемы, часто – формы личных местоимений: *rzuciła tu się w ramiona* [7, с. 34] – ‘бросилась ему в объятия’; *wydali jej się szalenie egzotyczni* [7, с. 49] – ‘показались ей безумно экзотическими’.

7. Контактная постпозиция типа «V + **сѧ**». Такие модели очень редки в силу тенденции слитного написания энклитики сразу после глагола: **не мори сѧ голодомъ с дружиною** [1, с. 402] – ‘не мори себя с дружиной голодом’; **Тоѣ же зимы ѡжени сѧ князь Ярославичъ Андреи** [1, с. 472] – ‘в ту же зиму женился князь Ярославичъ Андрей’. Можно предполагать, что данные факты – свидетельство старинного традиционного восприятия **сѧ** как самостоятельного возвратного местоимения, не обретшего ещё черты сугубо возвратной морфемы.

Комбинированные употребления. В некоторых случаях в Летописи можно наблюдать соседствующие возвратные формы с очевидной усиленной или ослабленной смысловой нагрузкой **сѧ**. Данный вывод о смысловой нагрузке напрашивается вследствие сравнения спо-

собо́в графического оформления возвратных глаголов, выступающих в границах одного предложения: **кгда сѧ падеть и не развьѣтъѣ**. [1, с. 242] – ‘когда упадёт и не разобьётся’; **а Бѧ дѣлаа не лѣнитеса молю вы сѧ. не забывайте. ꙗко дѣлаа тѣхъ**. [1, с. 244] – ‘а ради Бога не ленитесь, молю вас, не забывайте господних дел тех’. Здесь видим очевидное приращение самостоятельности **сѧ** в первом возвратном глаголе **сѧ падеть** и лишь формальную маркировку возвратности при помощи подтитловой записи во втором случае: **развьѣтъѣ**. Следует отметить, что в современном польском языке модель контактной препозиции «*się + V*» квалифицируется как характеристика книжности в противовес разговорности [8, с. 423–424].

Анализируя особенности подобных синтаксических конструкций (включающих модель «**сѧ + V**»), делаем неизбежный вывод об огромной организующей роли интонационного рисунка фразы, возрастающей и ниспадающей интонации, обусловленной физиологией естественного человеческого дыхания: **и не могу́че сѧ докопати нача́ тужити** [1, с. 210] – ‘и, не в силах докопаться, начали тужить’; **послѣди сѧ оуладита. а нонѣ пондита противу поганымъ** [1, с. 219] – ‘после вы [оба] помиритесь, а ныне пойдите против поганых’:

Вообще же исследованный материал Летописи XIV в. являет нам свидетельства либо приращения энклитики **сѧ**, либо самостоятельного её употребления с самыми различными глагольными формами и наклонениями в единственном, двойственном и множественном числе:

а) в аористе:

– **мѧ же клахо́у сѧ ко црю́ вашему** [1, с. 37] – ‘мы же поклялись царю вашему’; **Улег же посмѣсѧ и оукори кудесника** [1, с. 39] – ‘Олег же посмеялся и укорил кудесника’; **Древляне затвориша́ по Уоговѣ смѣрти** [1, с. 42] – ‘и древляне закрылись после Олеговой смерти’; **клахо́у сѧ црквыю сѣто Ильѣ** [1, с. 52] – ‘мы поклялись церковью святого Ильи’; **с малоу же дружины возвратисѧ** [1, с. 54] – ‘с малой частью дружины возвратился’; **а Древляне затворишасѧ въ градѣ** [1, с. 58] – ‘а древляне закрылись в городе’; **в то же лѣтѣ и дѣта сѧ роди.** [1, с. 247] – ‘в тот же год и дитя родилось’; **еже сѧ събы прѣроче́нъ Феодосьево**. [1, с. 211] – ‘что сбылось пророчество Феодосьево’; **и плакастасѧ реку́ще тако не было в родѣ нашемъ**. [1, с. 262] – ‘и плакали, говоря, что не было [такого] в нашем роду’; **и молистасѧ кми. и повѣдаста мольбу Кыпанъ**. [1, с. 264] – ‘и молились ему и рассказали мольбу киевлян’ и мн. др. (по свидетельству Г.Я. Симиной (1907–?), «аорист – самая употребительная форма прошедшего времени в «Повести временных лет». Всего в исследованном тексте встретилось 1815 случаев употребления аориста, это составляет около 86 % от всех форм прошедшего времени» [9, с. 48]. Заметим, однако, что Г.Я. Сими́на учитывала все формы: и возвратные, и невозвратные);

б) в имперфекте:

– **и бораху́сѧ крѣпко изъ града**. [1, с. 58] – ‘и [древляне] боролись крепко из города’; (по Г.Я. Симиной: «195 случаев употребления имперфекта, что составляет около 9,5 % всех глагольных форм прошедшего времени» [9, с. 54]);

в) в перфекте:

– **и мы же елико насъ хрѣтисѧ есмы**. [1, с. 52] – ‘мы же, сколько нас есть, крестились’; **не вси сѧ ксмы совкупили нынѣ**. [1, с. 323] – ‘не все мы объединились ныне’; **сѣтъ сѧ свитали с Чернѣговьскѣми || кѣзи** [1, с. 323] – ‘они совещались с черниговскими князьями’ и мн. др. (более 70 случаев употребления перфекта, т. е. 3,5 % всех глагольных форм [9, с. 44]);

г) в плюсквамперфекте:

– **зане сѧ баше приложилъ к Половце**. [1, с. 249] – ‘потому что присоединился было к половцам’; **баше во сѧ затворилъ в не**. [1, с. 429] – ‘затворился было в нём’ и др. (22 случая, или 1 % по отношению к другим формам прошедшего времени [9, с. 57]);

д) в сослагательном наклонении:

– **да выхѡмъ сѧ востанѣти ѿ злыѣ дѣла**. [1, с. 222] – ‘мы воздержались бы от злых дел’ и др.

е) в настоящем времени:

– **не единъ ни два спѣсѧ** [1, с. 120] – ‘не один, не два спасаются’ и др.

ж) в неспрягаемых формах:

– **надѣюще же сѧ на силу погани поидоша**. [1, с. 360] – ‘надеющиеся на силу поганые пошли’; **противащимъ же сѧ Торкомъ и крѣпко борющимся**. [1, с. 221] – ‘противащимся же и крепко борющимся торком’; **а погыбе тѣломъ и дшею предавсѧ дьяволу**. [1, с. 181] – ‘погиб телом и душой, предавшись дьяволу’; **но того не створи Бѧ сѧ оубо-
павъ**. [1, с. 304] – ‘но этого не сделал, Бога боясь’ и мн. др.;

Во многих приведённых (пкт. «а») – «ж») и выше) примерах обращает на себя внимание, безусловно, контактная препозиция **сѧ** по отношению к «своему» глаголу, обусловленность её употребления интонационным рисунком фразы и контекстуальным (логическим) ударением, неслучайность именно такого, а не иного, употребления раздельно написанного **сѧ**. Поэтому полностью мы не можем согласиться с нижеследующим утверждением Л.А. Булаховского: «Уже в древнейшем славянском **сѧ** не представляло возвратного местоимения в строгом смысле слова, а скорее – частицу, выполнявшую определенные формальные функции: по крайней мере во всех славянских языках мы найдем образования типа *бо-юсь*, *молюсь* и под., где *-ся*, *-сь* не равняется “себя”, а образует с глаголом нерасторжимое смысловое единство, или же модифицирует значение глагола, который может быть и самостоятельным, в том или другом значении формально-залоговом» [4, с. 163]. Более того, в тексте Летописи, отражающей особенности древнерусского языка, очень свободно и естественно, кроме возвратной энклитики **сѧ** функционируют энклитические формы других местоимений, личных: **сѧ сestroю вашею крѣтъ мѧ**. [1, с. 110] – ‘с сestroю вашею крестить меня’; **а за тѧ битисѧ може** [1, с. 268] – ‘а за тебя биться можем’; **аще придѣ на тѧ Русскыѣ князи**. [1, с. 269] – ‘если придут на тебя русские князи’; **и страѣ нападе на нѧ и трепетѧ**. [1, с. 278] – ‘и страх напал на них, и трепет’; **ископавъ яму впаде сѧ в ню**. [1, с. 356] – ‘выкопав яму, упал в неё’; **и за гордость ихъ наведе на нѧ**. [1, с. 362] – ‘и за гордость их навёл на них’; **оукраси ю. иконами безцѣнными**. [1, с. 278] – ‘украсил её иконами бесценными’; **такъ пожениши тѧ гнѣвомъ твоимъ**. [1, с. 384] – ‘преследуешь их гневом твоим’.

В Летописи встречаются также случаи употребления **сѧ** между двумя глаголами, например: **и не совкупѣша сѧ бити ѡбон. за мѣсь**. [1, с. 384] – ‘и не собрались оба биться за месяц [в течение месяца]’; **начаша сѧ гнѣвати на нь**. [1, с. 401] – ‘[они] начали гневаться на него’ и др. В польскоязычных текстах в подобных случаях возникает вопрос о сегментации данного отрезка фразы, поскольку требуется выяснять, аппликатом какого глагола является возвратная морфема *się* и какой моделью описывается целевой глагол: «**V + się**» или «**się + V**»? В польских текстах, например, это выглядит так: *dać się nakłonić*, *by nie brać więcej* [7, с. 217] – ‘*позволить уговорить себя, чтобы не брать больше*’; *Tessio nie dał się uciszyć* [7, с. 430] – ‘*Тессо не дал себя успокоить*’. К таким эпизодам в польскоязычных текстах следует подходить внимательно, как правило, руководствуясь словарями. В случае же древнерусских текстов достаточно принять во внимание тот факт, что раздельное написание **сѧ** от аористовых форм **совкупѣша сѧ бити** или **начаша сѧ гнѣвати** свидетельствует о своей принадлежности к инфинитиву, поскольку, как мы видели выше в примерах, если **сѧ** выступает в контактной постпозиции к «своему» глаголу, то оно непременно агглютинируется (за исключением редчайших случаев, см. п. 7. «Контактная постпозиция типа «**V + сѧ**»»). Впрочем, что до сочетания **совкупѣша сѧ бити**, здесь возможен и старинный супин со значением намерения (**совкупѣша бити сѧ** ‘собрались бить себя’).

Лексический материал Летописи свидетельствует также и об отсутствии в тогдашнем русском словообразовании тенденции к возникновению отглагольных существительных среднего рода, образованных от возвратных глаголов с сохранением **сѧ** при них. Современный же польский язык изобилует подобного рода примерами в текстах различных стилей и жанров: *przemieszczanie się pilotów samolotów* [10, с.12] – ‘*перемещение* пилотов самолётов’; *zmaganie się z chorobami* [10, с. 34] – ‘*борьба* с болезнями’; *traktuje o zagubieniu i odnalezieniu się w różnych okolicznościach* [10, с. 81] – ‘рассказывает о *потере* и *обретении себя* в разных обстоятельствах’; *nie mógł przetrwać bez posługiwania się bronią* [10, с. 107] – ‘не мог выжить без *применения* оружия’.

Отсутствие подобного явления в языке русской письменности XIV в. свидетельствует о том, что и вербоиды в польском языке (в нашем случае – отглагольные существительные с *się*, сохраняющие семантику действия) возникли несколько позже и, скорее всего, проникли в устную речь поляков из литературных произведений. К такому выводу подталкивает рассуждение академика Ф.П. Филина (1908–1982) о происхождении слов на *-ание, -ение, -ние, -тие, -ствие, -ие*. Учёный утверждал следующее: «слов с указанными суффиксами в современном русском литературном языке оказалось 7755, т. е. около 6 % словарного состава. Следует тут же оговориться, что многие из этих слов, отмеченных в словарях, имеют искусственный характер, не подтверждаются никакими цитатами и переписываются из словаря в словарь. Особенно много их в Словаре В.И. Даля. Это объясняется тем, что особенно многочисленные слова с *-ание, -ение, -ние* теоретически можно образовать почти от каждого глагола, кроме глаголов совершенного вида реального значения, что вводило и вводит в соблазн даже опытных лексикографов создавать новые слова с этими суффиксами и даже снабжать их собственными предложениями, стоящими на грани комического (ср., например, *загрызание крысы кошкой*). На самом деле реально существующих слов с указанными суффиксами в современном общеупотребительном литературном языке значительно меньше приведённой выше цифры» [11, с. 33–34]. Далее академик утверждает следующее: «В дописменном праславянском языке, как и в дописменном языке восточных славян, потребность в образовании отглагольных имён существительных со значением действия (по природе своей более или менее абстрактного) несомненно была ниже, чем в языке письменном» [11, с. 35].

Таким образом, исходя из структуры синтаксических моделей Летописи, содержащих возвратные глаголы, обозначим градицию контекстуальной нагрузки **сѧ** от местоименной самостоятельности до явно аффиксальной маркированности:

позиция сѧ	модель	пример
Наиболее сильная (с предлогом)	«на сѧ + V»	но на сѧ переѧ печаль братню. [1, с. 203] – ‘но на себя принял печаль брата’
Сильная (книжный тип)	« сѧ + V»	не могосѧ сѧ бити. [1, с. 311] – ‘не могли биться’
Умеренная	« сѧ + п ¹ + V»	ѧ сѧ сѧ ѧ боѧлѧ [1, с. 267] – ‘я сам боялся’
	«V + п ¹ + сѧ »	ѧблече бо сѧ во власѧниѧ. [1, с. 192] – ‘ибо облёк себя во власяницу’
Слабая	«V + сѧ »	не мори сѧ голодомѧ с дружиною. [1, с. 402] – ‘не мори себя с дружиной голодом’
	слитное написание	и прозвашѧ имени свѧими [1, с. 6] – ‘и прозвались именами своими’
Самая слабая	под титлом	и оубоѧшѧ Греци [1, с. 30] – ‘и испугались греки’

Итак, даже после распада восточнославянского языкового единства (XIII в.) долгое время (вплоть до XVII в.) **сѧ** продолжало восприниматься как самостоятельное местоимение. Устойчивое функционирование той или иной возвратной модели обуславливалось структурой фразы, организующей ролью ритмического отрезка, завершающегося дыхательной паузой, в конце которой современная пунктуация требовала бы соответствующего знака препинания.

Разнообразие возвратных моделей свидетельствует о развитом языковом сознании славян того времени. Ф.П. Филин, определяя понятие «языковое сознание», говорил так: «Это осознанное представление владеющих литературным языком о том, что в языке (письменном и устном) правильно или неправильно, возможно или невозможно, предпочтительно или менее предпочтительно, нейтрально или стилистически маркировано, допустимо или недопустимо. Такое представление опирается на знание объективно существующих в данное время норм языка (кодифицированных и некодифицированных, так как всё бесконечное многообразие языковых явлений, например, всех возможных сочетаний слов, кодифицировать практически нельзя)» [11, с. 138]. Следовательно, все те факты возвратных конструкций, которые стали объектом нашего внимания в Летописи, являют собой именно то, что было тогда возможно, допустимо, правильно и предпочтительно в плане выбора места для местоимения-энклитики-аффикса **сѧ** в структуре древнерусского предложения. Наша же задача – найти объяснение этим предпочтениям и закономерностям, предназначавшим в конце концов ту роль для **сѧ**, какую оно скромно исполняет в современных восточнославянских языках.

Литература

1. Полное собрание русских летописей. – 2-е изд., репр. воспр. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись / предисл. Б. М. Клосса. – 733 с., разд. паг. (Е-N, VIII).
2. Черных, П. Я. Историческая грамматика русского языка : краткий очерк : пособие для педагогических институтов / П. Я. Черных. – Изд. 2-е. – М. : Учпедгиз, 1954. – 336 с., 2 карты.
3. Шахматов, А. А. История русского летописания / А.А. Шахматов. – СПб. : Наука, 2002. – Т. 1 : Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды, кн. 1 : Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – 484 с., [1] л. портр. – (Русская библиотека).
4. Булаховский, Л. А. Исторический комментарий к литературному русскому языку / Л. А. Булаховский. – Киев : Радянська школа, 1939. – 332 с.
5. Кузнецов, П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология / под ред. Р. И. Аванесова. – М. : Издательство Московского университета, 1953. – 306 с.
6. Сериков, Г. В. Об одном старинном исследовании значений «дательного самостоятельного» / Г. В. Сериков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2011. – № 2 (65). – С. 75–77.
7. Puzo, M. Ojciec Chrzestny / M. Puzo ; z angiel. B. Zieliński. – Warszawa : Albatros, 2017. – 479 s.
8. Klemensiewicz, Z. Historia języka polskiego / Z. Klemensiewicz. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1980. – 796 s.
9. Сими́на, Г. Я. К вопросу об употреблении глагольных форм прошедшего времени в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку / Г. Я. Сими́на // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. – 1959. – № 277, вып. 55. – С. 42–59.
10. Strączek, K. Ryszard Kapuściński, autoportret reportera / K. Strączek. – Kraków : Znak, 2003. – 145 s.
11. Филин, Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф. П. Филин. – М., 1981. – 326 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 08.09.2022